

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-79-89>

УДК 81'42.811.161.1

«Тайная вечеря» И. С. Шмелева: образ хлеба и вина в эпопее «Солнце мертвых»

Ольга Альбертовна Димитриева

Чувашский государственный педагогический университет имени И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия,
olgaal_79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2734-640X>

Аннотация. Статья посвящена изучению образа хлеба и вина в эпопее «Солнце мертвых» (1923) И. С. Шмелева (1873–1950). Актуальность исследования связана с изучением кулинарно-гастрономического кода, представленного в произведении лексическими единицами «хлебного» ряда и вина, а также с изучением поэтики текста и определением роли в нем бытовых деталей, позволяющих проследить духовный мир героя и его окружения. Цель статьи – рассмотреть функционирование лексических единиц хлеб и вино в тексте эпопеи и выявить особенности индивидуально-авторской интерпретации приведенных лексем и их производных. В работе используются лексико-семантический, контекстуальный методы и частично метод статического анализа с привлечением данных Национального корпуса русского языка. Показано, что номинации хлеба (хлеб, хлебец, хлебушко/хлебушек, хлебный) являются ключевыми в эпопее и несут аксиологическую нагрузку. Хлеб выступает формой расчета, способом и единицей измерения, наивысшей ценностью. Делается вывод о том, что хлеб оказывается центром, вокруг которого выстраиваются взаимоотношения людей, изображаются те или иные стороны проявления характера, отношение человека к животным (как к товарищу в скорби, а не куску мяса). Установлено, что «хлебные» символы (например, кулечика будущая, пряник) могут быть способом выражения этической оценки. Отмечается также, что мотив превращения вина в кровь видоизменяет свою сакральную функцию, таинство евхаристии осуществляется в обратной последовательности: кровь становится вином. Предметный мир и мир животных часто изображаются аллегорически, раскрывая отношения между людьми.

Ключевые слова: И. С. Шмелев, кулинарно-гастрономический / пищевой код, семантика, лексика, идиостиль, лингвопоэтика

Для цитирования: Димитриева О. А. «Тайная вечеря» И. С. Шмелева: образ хлеба и вина в эпопее «Солнце мертвых» // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 2. С. 79–89. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-79-89>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

I. S. Shmelyov's "Last Supper": the image of bread and wine in the epic "The Sun of the Dead"

Olga A. Dimitrieva

I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia, *olgaal_79@mail.ru*,
<https://orcid.org/0000-0003-2734-640X>

Abstract. The article examines the *bread* and *wine* image in the epic "The Sun of the Dead" (1923) by I. S. Shmelyov (1873–1950). The relevance of the research is connected with studying the culinary and gastronomic code represented in the work by the lexical units of the bread series and wine. The topicality is also proved by studying the poetics of the text and determining the role of everyday details in it, thus making it possible to trace the character's spiritual world and his environment. The article aims to consider how the lexical units bread and wine function in the text of the epic and to identify the specific features of the individual authorial interpretation of these lexemes and their derivatives. The research employs lexicosemantic, contextual methods and partly statical analysis using data from the National Corpus of the Russian Language. It is shown that bread names (*khleb*, *khlebets*, *khlebushko/khlebushek*, *khlebniy*) are key in the epic and carry an axiological load. Bread is a form of payment, a method and unit of measurement, the highest value. The article concludes that bread turns out to be the centre around which people's relationships are built and certain aspects of character manifestation, as well as a person's attitude towards animals (as to a *comrade in grief*, and not a *piece of meat*) are depicted. It has been established that bread symbols (for example, *future coulibiac/kulebyachka budushchaya, gingerbread/pryanik*) can be a way of expressing ethical evaluation. The article also highlights that the

motif of transforming wine into blood modifies its sacral function. The Eucharist sacrament is carried out in the reverse order: blood becomes wine. The objective world and the animal world are often depicted allegorically, revealing relationships between people.

Keywords: I. S. Shmelyov, culinary-gastronomic code, food code, semantics, vocabulary, individual style, linguopoetics

For citation: Dimitrieva O. A. I. S. Shmelyov's "Last Supper": the image of bread and wine in the epic "The Sun of the Dead". *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2024;85(2):79–89. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-79-89>.

Введение. Творчеству И. С. Шмелева и изучению разных аспектов поэтики его произведений посвящены многочисленные исследования¹. Эпопея «Солнце мертвых» (1923) также становится объектом пристального внимания. Особое место занимают работы, центральное положение в которых отводится заглавному, ключевому и многозначному образу – образу *солнца* (например, исследования Д. Д. Николаева [Николаев 2001: 223–224], Н. А. Николиной [Николина 2003: 192–193], Я. О. Дзыги [Дзыга 2011], О. И. Федотова [Федотов 2013], Н. Б. Бугаковой [Бугакова 2016] и др.), который соотносится с архетипическими представлениями о жизни и смерти и несет амбивалентную семантику. В эпопее «Солнце мертвых» можно увидеть аллюзии на «Божественную комедию» Данте Алигьери (путешествие главного героя по трем царствам загробного мира) [Федотов 2013: 97] и евангельские мотивы Апокалипсиса [Дзыга 2011: 93; Догнал, Цинтула 2022]; как следствие, одной из главных семантических доминант произведения становится тема смерти [Чэнь 2020]. Выделяются исследования, посвященные анализу организации пространства в эпопее: природы Крыма [Шестакова 2022], сада [Корнеев 2018], национального образа мира [Дрынкина 2023].

Одним из направлений изучения произведений И. С. Шмелева является исследование пищевого кода как культурного феномена в романах «Лето Господне» и «Богомолье» (см. [Болдырева 2016; Гила-зетдинова, Багманова 2012; Поздеев 2013]). В. А. Поздеев выделяет различные функции еды: «пищевой код помогает писателю

показать духовное становление героя» [Поздеев 2013: 191], еда становится «объектом описания вещного мира», «микроидентификатором социальных групп», «системой идентификации национальных личностных ценностей» [Там же: 201]. «Пищевые ассоциации, – пишет Е. М. Болдырева о романе «Лето Господне», – оказываются, бесспорно, самыми сильными в потоке воспоминаний героя» [Болдырева 2016: 64]. Действительно, ассоциации, вызванные витальной потребностью в еде, характеризуются неоднозначностью и поливалентностью в контексте эпопеи «Солнце мертвых».

Цель данного исследования – рассмотреть функционирование лексических единиц *хлеб* и *вино* в тексте эпопеи и выявить особенности индивидуально-авторской интерпретации приведенных лексем и их производных.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужила выборка примеров из эпопеи «Солнце мертвых», содержащих лексемы *хлеб* и *вино*, их производные, а также слова, входящие в синонимический ряд. Основным методом исследования является метод лингвостилистического анализа, лексико-семантический, контекстуальный методы и частично метод статистического анализа с привлечением корпусных данных.

Анализ. Поливалентность образа хлеба в эпопее И. С. Шмелева «Солнце мертвых». В Национальном корпусе русского языка по авторскому подкорпусу, включающему пять произведений И. С. Шмелева («Лето Господне» (1927–1944), «Богомолье» (1930–1931), «Солнце мертвых» (1923), «Неупиваемая чаша» (1918), «Человек из ресторана» (1911)), лексема *хлеб* и ее производные *хлебушек/хлебушко*, *хлебец*, *хлебный*, *хлебосольный* содержатся в 191 примере: 50 словоупотреблений в романе

¹ См. библиографию исследований в: *Параксева Е. В. Система повествовательных мотивов в художественной прозе И. С. Шмелёва: автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2018. 28 с.*

«Лето Господне», 42 – в «Богомолье», 89 – в «Солнце мертвых». Как видно из количественных показателей, наиболее употребительным «хлебный» ряд становится в эпопее «Солнце мертвых»: слово *хлеб* используется 64 раза, библейский фразеологизм *хлеб насыщенный* встречается 8 раз (в том числе и в качестве названия главы), *хлебец* – 7 раз (причем только в форме родительного падежа *хлебца*), *хлебушко/хлебушек* – 8, *хлебный* – 2; в фонетически измененной форме *клеба* (2), *хлэб* (1) для передачи особенности произношения в речи татарина, а также *хле-а-ба-аах* – как способ выражения эмоциональной просьбы-плача ребенка (всего 94 раза).

Слово *хлеб* и его производные становятся ключевыми в эпопее, несущими дополнительную аксиологическую нагрузку, образуют «семантические комплексы», вокруг которых «группируются синонимичные им единицы... однокоренные слова...», репрезентирующие «семантическую доминанту текста» [Николина 2003: 187]:

Не благостная тишина эта: это мертвая тишина погоста. Под каждой кровлей одна и одна дума – хлеба!²

Выделенное предложение является лейтмотивом всего произведения. Повтор *одна* и *одна* подчеркивает непрерывность, однаковость и одновременность происходящего для всех. Употребление существительного *хлеба* в родительном количества становится одной из постоянных доминирующих форм слова. Выражение *зарабывать на хлеб* в контексте данного произведения является буквальным, *хлеб – форма расчета*, измеряемая в произведении в *фунт-ах* («русская мера веса, равная 409,5 г»³ (1), золотниках («старая русская мера веса, равная 1/96 фунта (около 4,26 г)»⁴ (2) и некоторых других «бытовых» способах деления (*четверка, кусочек, с пуговицку, с горсточку, крошки, крошечки*) (3):

(1) Он потеет, несчастный архитектор. Он работает из-за полфунта соломенного хлеба,

² Здесь и далее текст цит. по: Шмелев И. С. Солнце мертвых: повесть. М.: Эксмо, 2013. 224 с.

³ Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. С. 587 (МАС).

⁴ Там же. Т. 1. С. 619–620.

из-за страха; – Ходила в этих вот... в советских садах работать... – *полфунта хлеба! да ка-кого!* – *одна мякина...*; И стал Иван Михайлыч за хлебом по горам лазить, как ты по балкам. За уроки ему платили щедро: *полфунта хлеба и хорошее полено!*

(2) И вот на прошенье Ивана Михайлыча – прислали ему бумагу, пенсию! *По три золотника хлеба на день!*

(3) – *Хле-а-ба-аах...* са-мый-са-аах в пуговичку-ууу... са-а-мый-са-ааха.... Гремит самоварная труба. Это пониже нашего дома, соседи; – Ро-дной!.. Го-лубчик... – слезливо окаетон [Иван Михайлыч], и плачет его умирающие, все выплачивавшие глаза. – *Крошечки собираю...* *Хлебушко* в татарской пекарне режут... *крошечки* падают... вот набрал с горсточку, с кипяточком попью...

Около 70 % от общего числа употреблений составляет форма слова *хлеба* в родительном падеже:

1) с существительными меры *пуд, полфунта, фунт, золотник* (хлеба);

2) с глаголами *дать (давать), купить, лишать, оставить (без), отвалить, родить, служить из, хватить, швырнуть*;

3) предложно-падежное сочетание «*без + существительное*».

В эпопее хлеб является основным **средством обмена**, замещая функцию денег:

(1) Да, Большая энциклопедия!.. Когда-то и я мечтал купить Большую энциклопедию! Продавали ее «в роскошном переплете»... Купил кто-то по полфунта хлеба... за том!

(2) Носила няня продать золотую цепочку покоимого Василия Семеныча, шесть золотников. *Дали шесть фунтов хлеба...*; Спотыкается на кусты под снегом, волочит в поводу коня, бьется в мои ворота: – Ко-зяй... Йей! коня бери... клеба давай, карей!.. все памирай... ой, бери... йей!

Как видно из примеров, любая вещь, будь то книги или конь, имеет свою цену, выраженную в «хлебном» эквиваленте. Деньги тоже упоминаются, для того чтобы показать их бесценность:

– Что же это теперь будет?.. *Хлеб-то сегодня... двенадцать тысяч!* да и его-то нету! На базаре ни к чему не приступишься, чисто все облюте-ли!..

Хлеб является основным способом и единицей измерения:

Сколько же можно было тогда купить хлеба, простого хлеба!.. – *Пудов... сто двадцать.* – Ка-ак!.. Этого не может быть... – *Черного хлеба* можно было купить... *двести пудов*, больше. – *Двести... пудов!* Значит, если нам... по два пуда на

месяц... Значит, *на... двадцать лет?!* — *На восемь лет*, — поправляю я. — *Бо-же мой!* Здесь... — она прижимает ожерелье к горлу, я не вижу ее лица, — *здесь было на восемь лет жизни!.. для детей!!*

В приведенном фрагменте продолжительность жизни измеряется стоимостью хлеба, его количеством — *две сти пудов* и запасом — *на восемь лет жизни. Пуд* — максимальная единица измерения веса хлеба в произведении.

Если жизнь считается высшей ценностью, то в тексте произведения происходит смена шкалы ценностей. Хлеб становится основным аксиологическим маркером, **высшей ценностью**. Ср. два фрагмента:

(1) С ним [ожерельем] я не расставалась скоро сорок лет. И вот вчера грек предложил мне за него... Ну, как вы думаете, сколько? *Три! три фунта хлеба!* — За человека не дали бы и крошки. *Спичку...* Давно нет спичек. Я высекаю по кремешку на трут, дымится, но получить огонь — мученье. — В нем восемьдесят семь камней, и в каждом больше сорока фасеток! Сколько граней! И вот — три фунта! Чудачка... Граней! А сколько граней в человеческой душе! Какие ожерелья растерты в прах... и мастера побиты...;

(2) Я даже высчитал: только в одном Крыму, за какие-нибудь три месяца! — человечьего мяса, расстрелянного без суда, без суда! — восемь тысяч вагонов, девять тысяч вагонов! Поездов триста! Десять тысяч тонн свежего человечьего мяса, мо-ло-до-го мяса! Сто двадцать тысяч голов! че-ло-ве-ческих!! У меня и количество крови высчитано, на ведра если...

Обесценивание жизни на фоне голода (*за человека не дали бы и крошки*) осмысливается через определение ценности ожерелья по количеству камней, фасеток, граней, что наводит автора на мысль о гранях человеческой души и о бесследно исчезнувших, убитых людях (*Какие ожерелья растерты в прах... и мастера побиты...*). Во втором приведенном фрагменте доктор напрямую говорит о жестокости убийств, приводя безжалостные статистические данные о количестве убитых молодых людей за три месяца, измеряемом уже в тоннах.

Выражение *хлеб насыщный* в значении «самое важное, необходимое для существования кого-, чего-л.»⁵; «минимум пропитания, средств, необходимый

для существования»⁶ в эпопее соотносится с окружающим рассказчика миром: это и виноградник (ягоды и виноградные листья), и крокусы, и груши, и миндаль — всё, что может быть употреблено в пищу, любой источник питания:

Я подымаюсь из балки с *ворохом виноградных листьев. Хлеб насыщный!*

В эпопее еда в целом делится на два временных периода: «до голода» — ретроспективный взгляд-воспоминание и «сейчас» — рефлексия текущего момента (в эпопее лексема *теперь*, по данным Национального корпуса русского языка, употребляется 269 раз). В прошлом существуют различия в еде, предназначенной для животных и для человека, в момент описания — в состоянии голода — различий нет. Ср.:

Ну, что же сегодня делать? Что и вчера — все то же: *нарвать виноградных листьев помоложе, мелко-мелко порезать — и суп будет.* Хорошо чеснок добавить — дает, говорят, бодрость; но чеснок весь вышел; Я даю им [курам] *пареный лист [винограда] в чашках.* Они дерутся из-за него, вытаскивают мохрьми, прячут, давятся, набиваю зобы. Стоят и долбят в пустые чашки.

Голод объединяет и уравнивает человека и животное, меняет отношение ко всему живому: домашняя птица, в обычных условиях выращиваемая для употребления в пищу, становится для повествователя другом по испытанию, *товарищем в скорби*, способным самостоятельно принимать решения:

Только-только подремывала она на моих руках, клевала горошек доктора, и в ясном зрачке ее смеялось золотой точкой солнце... Прощай и ты, маленько созданье, не оставившее следа! Теперь сметаются все следы, и перестало быть больно. И теперь ничего не жаль. Я беру кровяной комок в перьях. Это *не кусок мяса*: это наша родная собеседница *кrottкая, молчаливый товарищ в скорби.* <...> Трещит плетень, глядит из-за плетня Яшка. — Так лучше бы мне отдали! Он прав, пожалуй. Не все ли равно теперь: земля или брюхо Яшки? *Земля — лучше, земля покоит.* И я сейчас ей [курице Галочке] пару горошин.

⁵ Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия: ОГИЗ, 1935–1940 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 15.08.2023).

⁵ МАС. Т. 4. С. 602.

На ночь в комнаты запирал, понятно. И вот — самоубийством покончила! — Да что вы?! — Отравилась. Весь горький миндаль поела. Приготовил прожаривать, а она утром проснулась раньше меня, нашла и... в страшных конвульсиях!

Рассмотрим следующий пример:

Лихие контрабандисты... Ловят их и на перевале, и за перевалом — все ловят, у кого силы хватит. Пала и на степь смерть, впереди ничего не видно, — вином хоть отвести душу. Пробираются по ночам, запрятив вино в солому, держат бутылку наготове — заткнуть глотку, на случай. *Хлеб насущный!* Тысячи глаз голодных, тысячи рук цепких тянутся через горы за пудом хлеба... — Копали крокусы?.. Бери камушек, разбивай миндальки... — Спaa-си-бочка-а!.. ба-альшо-е спасибо!.. *Хлеб насущный!* И вы, милые крокусы, золотые глазки, — тоже наш хлеб насущный.

В приведенном фрагменте трижды повторяется выражение *хлеб насущный*: два раза — это отдельное, интонационно выделенное предложение, звучащее как итог предыдущих размышлений рассказчика, как заклинание о людях, жаждущих хлеба и пытающихся добыть его. Здесь содержится и настоящий момент — вопрос говорящего (— *Копали крокусы?..*), угощение девочки, восьмилетней Ляли (*Бери камушек, разбивай миндальки...*) и ее благодарность (— *Спaa-си-бочка-а!.. ба-альшо-е спасибо-ко!*). В третий раз выражение становится практически идентичным источнику — молитве «Отче наш» — с притяжательным местоимением *наш*, но с измененным порядком (*И вы, милые крокусы, золотые глазки, — тоже наш хлеб насущный*). Говорящий обращается непосредственно к крокусам, выражает к ним особое отношение посредством прилагательных-эпитетов — *милые, золотые*; словообразовательных средств — дiminutiva глазки.

Широкий охват пространства в приведенном отрывке *на перевале* (*за перевалом*) — *через горы* — <здесь> сочетается с многочисленным субъектом действия *лихие контрабандисты* (наименование класса) — *тысячи глаз голодных, тысячи рук цепких* — конкретный единичный субъект (<вы, ты> — диалог с девочкой). Автор использует прием метонимии: соматизмы и их количественные маркеры подчеркивают всеохватность и отчаяние, вовлеченность не только контрабандистов — рук цепких, но и тех, кто их ждет, высматривает — глаз голодных.

Разноплановые действия, выражаемые глаголами несовершенного вида как в ситуации повторяющегося действия *пробираются по ночам, держат наготове, тянутся*, так и обобщенного факта *копали, конкретного единичного действия бери, разбивай* отображают частное, происходящее в данный момент, на фоне общего, повторяющегося изо дня в день ужаса голода, относящегося лично к каждому. Повтор фразеологизма *хлеб насущный* выполняет своего рода роль скрепы, соединяющей на первый взгляд не связанные предметы, разнородные и разноплановые события и людей: контрабандистов, рассказчика, девочку Лялю, крокусы, миндаль и тысячи других глаз и рук в поисках пищи — *хлеба насущного*.

Приведем еще один отрывок:

Низко плывет по балке стервятник, завинчивает полетом. <...> Сбил его с ходу неистовый крик Лялин. Летит на дубки, за балку, притаивается в чаще. Теперь я хорошо знаю, как трепещут куры, как забиваются под шиповник, под стекни, засыхающие в кипарисы — стоят в дрожи, вытягивая и вбирируя шейки, вздрогивая испуганными зрачками. Хорошо знаю, как люди людей боятся, — людей ли? — как тычутся головами в щели, как онемело роют себе могилы. Ястребам простится: это их *хлеб насущный*. Едим лист и дрожим перед ястребами! Крылатых стервятников пугает голосок Ляли, а тех, что убивать ходят, не испугают и глаза ребенка.

Фольклорная параллель «мир природы — мир человека», с помощью которой часто передается эмоциональное состояние человека, приобретает здесь свои особенности: мир животных (*ястребы-стервятники — куры*) является фоном для отражения сущности человека (сравниваются два типа людей: *что убивать ходят — остальные люди, тех, кого убивают*). Реализацией этой параллели становится риторическая фигура периода, состоящая из сложноподчиненных предложений с параллельным подчинением придаточных изъяснительных *хорошо знаю, как*: первая часть описывает состояние страха птицы, вызванное появлением ястреба, вторая часть повествует о том, как боятся люди людей, как пытаются от них укрыться. Возвращение в настоящий момент: — *Едим лист и дрожим перед ястребами!* — употребление глагола в 1-м лице множественного числа, во-первых, подчеркивает сопричастность

говорящего, во-вторых, ставит рассказчика, испытывающего такой же страх, как и птицы, в один с ними ряд (тем более что *едим лист* относится как к человеку, так и к курам). Возникшее равенство между *крылатыми стервятниками* и *теми, что убивать ходят*, автор разрывает, указывая на существование объективной для ястреба причины убивать — это их хлеб *насыщный* и одновременно имплицитно подчеркивая, что *тем, что убивать ходят*, их поступки не простятся. Введение определения *крылатый* предполагает существование других, «некрылатых», стервятников, о которых повествователь и пишет в следующей главе «Что убивать ходят»:

И вот, когда я плелся по камню, и голова моя была камнем — счастье! — *вырос, как из земли, на коньке стервятник* и показал свои мелкие, как у змеи, зубы — беленькие, в черненькой головке. Крикнул весело, потряхивая локтями: — Бог труды любит! *Порой и стервятники говорят о Боге!* Вот почему я *кроюсь*: я слышу, как от *стервятника* пахнет кровью.

Намеченная зоометафора приобретает свое конкретизированное воплощение и подходящее имя *Шура-Сокол — черненькая головка, мелкие беленые зубы, разговор о Боге*.

Текущее событие («здесь» и «сейчас») является импульсом к описанию расширенного настоящего, дающего более широкий временной и пространственный обзор событий, за которым вновь следует возвращение в *связанную с большими событиями* реальность и определение в ней места конкретных лиц. Так, голос Ляли, отвлекший ястреба, страх кур вызывают мысли-рассуждения о тех, что *убивать ходят*, что, как следствие, соединяет два мира — частный, личный и обобщенный, классовый (*Крылатых стервятников пугает голосьок Ляли, а тех, что убивать ходят, не испугают и глаза ребенка*).

Важным представляется соотношение употребления ментальных глаголов *знать* и *понимать*: *знать* — 139 (67 из них в форме 1-го лица единственного числа; 9 с отрицанием *не*); *понимать* — 35 и 13. *Знаю* звучит рефреном в эпопее, объединяя всеведущего автора, темпорально и пространственно удаленного, и повествователя, определенного во времени и пространстве.

Отметим также употребление перцептивных глаголов *вижу* — 50 (от общего количества 90), *слышу* — 25 (46), *чувствую* — 4 (7), что в среднем составляет 55 % и отражает рефлексию говорящего, воспринимающего ситуацию «здесь» и «сейчас».

Прилагательные, обозначающие свойства хлеба, с одной стороны, делятся на те, которые характеризуют хлеб прошлого — *душистый, дешевый, печеный, черный, простой*; и хлеб настоящего момента, куда включаются и остальные продукты, способные насыщать, — *сладкий, цветной* (о винограде); *теплый; ячменный; соломенный, соломистый, народный*. С другой стороны, все выражения, кроме последнего в списке — *народный хлеб*, приводятся голодающими жителями города, а данное сочетание дается представителем власти, которого рассказчик определяет как *тут с ружьем подошел*:

По тыще рублей на месяц, насмех! А хлеб-то нонче... двенадцать тысяч фу-унт! Говорить стали которые, а тут с ружьем подошел, прислушал. «Над нашей властью смеешься, старый черт?» И всякими словами! Тебе, говорит, сдохнуть давно пора, а ты еще *за народным хлебом* трафишься! И всех разогнал.

В некоторых случаях для характеристики качества хлеба используется вопросительно-относительное местоимение *какой*, способное давать оценку как положительную, так и отрицательную. Ср.:

А на базар-то придешь... го-ры! И сала тебе, и барашка, и яички... и красненькие-то, и синенькие, и... А хлеб-то *какой был*, пу-ух пухом!..; Ходили слухи, что они стали слабеть от голода — всего по четвертке хлеба да и не каждый день! *а какого хлеба...* вы сами знаете.

«Хлебные» символы в речи доктора Михаила Васильевича выступают способом выражения этической оценки текущей ситуации. Приведем два фрагмента:

(1) Ведь всякое «потрясение»-то, на высокополитическом блюде поданное, с речами, со слезой братской, бескорыстной и с «дрожью» этой самой восторженной, в подоплеке-то самой сокровенной, непременно в корешках своих на питательное донышко упирается, на кулебячуку будущую... и всегда обязательно кой для кого «кулебячки» этой и достигает!

(2) — Как будто смешно... но... У человечества, у нас, у нас! дядюшки не было! Такого,

положительного, с бородой честной, с духом-то земляным, своим... с чеподанчиком-саквояжиком, пусть хоть и рыженъим, потертым, в котором и книги расчетные, и пряники с богомолья, и крестики от преподобного... и водица святая... и хоро-шая плетка!

Первый фрагмент включает ряд кулинарной лексики *блюдо (поданное) – питательное донышко – кулебячка (будущая)*. С одной стороны, предметная лексика, обладающая преимущественно дескриптивной семантикой, включается во вторичную номинацию – сферой-мишенью становится *политическое потрясение*. С другой стороны, данные предметы оказываются репрезентантами двух основных противоположных ценностных установок: говорящего, не принимающего происходящего и иронически его интерпретирующего через пищевые образы, и описываемого им человека-политика, целью которого является нажива, представленная в образе «кулебячки». *Речи, слеза братская, бескорыстная, «дрожь» восторженная* – визуальные «элементы» эмоциональной искренности – обесцениваются на фоне стремления к материальным благам. Говорящий привязывает их к пищевому символу – к *кулебячке*: в то же время это не просто хлеб, а более ценный продукт; форма диминутива делает оценку личностно значимой.

Второй отрывок содержит изображение стилизованного дядюшки, включающее как внешние характеристики (*с бородой честной*), так и внутренние черты характера (*с духом-то земляным*). Интересным представляется подробное описание содержимого чеподанчика-саквояжика, рыженъимо, потертого. В перечисляемом наборе предметов обыгрывается устойчивое выражение «кнут и пряник»:

Публ. Чeredование жестких и мягких мер при обращении кем-л., ведении какой-л. политики и т. п. <...> Ср. нем. *Zuckebrot und Peitche*⁷,

первоначально в форме *плеть и пряник*⁸. В романе расширяется состав слово-

сочетания за счет включения атрибутивов – *пряники с богомолья... и хоро-шая плетка* и ряда дополнительных артефактов: *книги расчетные, крестики от преподобного, водица святая*. Фольклорные элементы – употребление согласованных и несогласованных определений в постпозиции, диминутивы – создают портрет идеально-го дядюшки.

Таким образом, еда в эпопее «Солнце мертвых», в частности хлеб, становится ценностным центром, вокруг которого выстраиваются взаимоотношения людей, изображаются те или иные стороны реализации характера, показывается отношение к животным. Хлеб является формой расчета, способом и единицей измерения, наивысшей ценностью.

Образ вина-крови в эпопее И. С. Шмелева «Солнце мертвых». Как отмечает Н. И. Толстой, вино традиционно символизирует «в обрядах кровь, здоровье и жизнь. В божественной литургии таинством евхаристии В. <вино> превращается в кровь Христову и является вместе с хлебом компонентом св. Причастия»⁹. В эпопее «Солнце мертвых» мотив превращения вина в кровь видоизменяет свою сакральную функцию, таинство евхаристии осуществляется в обратной последовательности: кровь становится вином:

(1) Я знаю, что в виноградниках, под Кастелью, не будет винограда, что в белых домиках – пусто, а по лесистым взгорьям разметаны человеческие жизни... Знаю, что земля напиталась кровью, и вино выйдет терпким и не даст радостного забытья. Страшное вписала в себя серая стена Куш-Кай, видная недалеко. Время придет – прочтется...

(2) Куда ни взгляни – никуда не уйдешь от крови. Она – повсюду. Не она ли выбирается из земли, играет по виноградникам? Скоро закрасит все в умирающих по холмам лесах.

Первый фрагмент представляет собой период с повторяющимся *я знаю, что* (ср. с приведенным выше отрывком о стервятниках *я хорошо знаю, как*). Стена

⁷ Бирюк А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология: историко-этимологический словарь / под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель, 2005. С. 308.

⁸ Душенко К. В. Большой словарь цитат и крылатых выражений: 13 300 цитат и крылатых выражений из области литературы, истории,

политики, науки, религии, философии и популярной культуры. М.: ЛитРес, 2011. 3439 с.

⁹ Толстой Н. И. Вино // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 1: А–Г / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. С. 373.

Куш-Кай очеловечивается: *вписала страшное*, что прочитают потомки; кровь превращается в вино, не приносящее радости. Второй отрывок также отображает переход крови в вино, но здесь кровь становится *вездесущим субъектом действия: она выбирается из земли; играет; закрасит все.*

На первый взгляд схожие метаморфозы происходят и в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», в частности в сцене, во время которой Маргарита пьет кровь барона Майгеля из чаши-черепа Берлиоза:

В тот же момент что-то сверкнуло в руках Азазелло, что-то негромко хлопнуло как в ладости, барон стал падать навзничь, *алая кровь брызнула* у него из груди и залила крахмальную рубашку и жилет. Коровьев подставил чашу под бьющуюся струю и передал наполнившуюся чашу Воланду. Безжизненное тело барона в это время уже было на полу... У Маргариты закружилась голова, ее шатнуло, но чаша оказалась уже у ее губ, и чьи-то голоса, а чьи — она не разобрала, шепнули в оба уха: — Не бойтесь, королева... Не бойтесь, королева, кровь давно ушла в землю. *И там, где она пролилась, ужерастут виноградные гроздья* [Булгаков 1988: 267–258].

Символика виноградной лозы в Евангелии непосредственно связана с Христом:

Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой — виноградарь. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода... <...> Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают (Евангелие от Иоанна 15:1-2, 6).

В булгаковском романе «вино для “причастия” сатаны — претворенная кровь доносчиков, предателей, подлецов» [Поздняева 2007]. И. В. Якушевич также отмечает, что вино-кровь Майгеля — это «жертва сатане» [Якушевич 2023: 55]. Но в эпопее «Солнце мертвых» жертвой становятся ни в чем не повинные, обычные жители городка, значит, прощения для правящих не будет. И доктор, и рассказчик повторяют строчки из Апокалипсиса: ...и говорят горам и камням: *падите на нас и скроите нас от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнца...* (Откровение Иоанна 6:16) и ожидают конца мира. Ср.:

Как эти горы — святы в неведении своим. Горы, падите на нас! Холмы, покрайте!; Да когда же накроет камнем??! Когда размотается

клубок?.. Скажут горам: падите на нас! Не падают... Не пришли сроки? Прошли все сроки, а чаша еще не выпита!..

Мотив крови-вина соотносится с мотивом кровавого, хмельного пира. Как отмечает А. О. Шелемова, «два “пира” описывает Шмелёв — “пир” сытых и “пир” голодающих. И оба они — “кровию польяны”» [Шелемова 2006].

Рассмотрим следующий пример:

Обманчиво хороши сады, обманчивы виноградники! Заброшены, забыты сады. Опустошены виноградники. Обезлюжены дачи. Бежали и перебиты хозяева, в землю вбиты! — и новый хозяин, недоуменный, *повыбил стекла, повырывал балки... повытил и повыил* глубокие подвалы, *в кровине* поплавал, а теперь, *с праздничного похмелья*, угрюмо сидит у моря, глядит на камни. Смотрят на него горы....

Однородный глагольный ряд, обозначающий действия, которые характеризуют поступки «нового хозяина» — *повыбил — повырывал — повытил — повыил*, — представлен однотипной словообразовательной моделью: к глаголу с приставкой *вы-* со значением «совершить (довести до результата) действие» [Русская грамматика 1980: 357] добавляется приставка *по-*, имеющая значение «многократного, иногда также поочередного действия, распространенного на все или многие объекты или совершенное всеми или многими субъектами» [Там же: 364]. В словаре такие слова обычно даются с пометой *разговорное*. В контексте данного произведения подчеркивается «всё и многое», что совершается новой властью: практически все глаголы обладают деструктивной семантикой. Лексема *кровина* также маркирует количественный аспект. *Праздничное похмелье* — это то опущение, которое видит «новый хозяин».

Обнажая свое эсхатологическое мироощущение, почтальон Дрозд слова *откровение, откровенно* (Откровение Иоанна Богослова) считает производными от слова *кровь*, выделяя в них приставку *от-*:

— Чу-де-са... — с укоризной отвечал Дрозд. — Чудеса могут быть. Если куль-ту-ра так... ниспроповергает, то обязательно нужны чудеса, и бу-дут! *От... крове-ние!* А почему — *откровение?*!! *От... кро-ви!* Если такая кровь, обязательно будут чудеса! Прокофий чу-ет. Говорит как?..; И правильно говорит Прокофий... *от-кровенно!* *От... кро-ви.*

В эпопее можно проследить взаимодействие двух метонимических значений слова *кровь*: *кровь* – ‘мастера крови’, ‘без родины – без причала’, обладающие способностью убивать *по плану и равнодушно*; *кровь* – человек крови вологодской, принадлежащий определенному месту, испытывающий человеческие чувства:

То было другое время – другие большевики, первые. То были толпы российской крови, захмелевшей, дикой. Они *нили, громили и убивали под бешеную руку*. Но им могло вдруг открыться, путем нежданного, через «пустяк», быть может, даже через одно меткое слово, что-то такое, перед чем пустяками покажутся слова, лозунги и программы, требующие неумолимо крови. Были они свирепы, могли разорвать человека в клочья, но они неспособны были душить по плану и равнодушно. На это у них не хватило бы «нервной силы» и «классовой морали». Для этого нужны были нервы и принципы «мастеров крови» – людей крови не вологодской...

Слова *кровь* и *вино* описываются не только в контексте превращения, перехода крови в вино, но и как две существующие и в некотором роде взаимообусловленные сущности:

(1) А то пропылит на мурахстой запаленной лошадке *полупьяный красноармеец*, без родины – без причала, в ушастом шлыке суконном, в помятой звезде красной-тырцанальной, с ведерным бочонком у брюха – пьяную радость везет начальству из дальнего подвала, который еще *не весь выпит*. Так вот какая она, пустыня! Смеется солнце. Поигрывают тенями горы. Все равно перед ними: розовое ли живое тело или труп посинелый, с *выпityми глазами* – вино ли, кровь ли... И этому верховому звездоносцу.

(2) Кричи, сколько силы в глотке! Гони ребят за город на бойни: там толстомордый матрос-резак швырнет зеленую отопку или дозволит напиться крови, а подбреет – может налить и в кружку.

В первом фрагменте из ряда лексики с вакхической семантикой – *полупьяный, пьяная радость, подвал... не весь выпит* – последнее слово повторяется, но в ином, танатальном контексте *труп посинелый, с выпитыми глазами* и далее соединяются воедино – *вино ли, кровь ли*. Во втором отрывке также существуют вино и кровь, вербализованные в глагольных сочетаниях *напиться крови – налить и в кружку*.

Новая философия реальной ирреальности, по словам доктора, когда кошмары переходят в действительность, заставляет повествователя часто использовать фольклорные образы, например образ Бабы-Яги (*Валим-катит Баба-Яга в ступе своей железной, пестом погоняет, помелом след заметает... помелом железным*) и артефакты (*осиновый кол, железная метла, камни на распутье*). Слово *сказка* употребляется 18 раз, *сказочка* – дважды. Помимо привычной положительной семантики (*далекий Париж, призрачный город сказки, цветочная сказка*), слово наполняется отрицательной коннотацией в оппозиции *сказка–жизнь*, соединяемой в шмелевской «*сказке-яви*»:

А раз уже наступила сказка, жизнь уже кончилась, и теперь ничего не страшно.

В поисках объяснения происходящего повествователь обращается к ирреальным силам – волшебным чарам или возможностям вина изменять сознание:

Новые творцы жизни, откуда вы?! С легкостью безоглядной расточили собранное народом русским! Осквернили гроба святых и чуждый вам прах благоверного Александра, борща за Русь, потревожили в вечном сне. Рвете самую память Руси, стираете имена-лицы... Самое имя взяли, пустили по миру, безымянной, родства не помнящей. Эх, Россия! *сблизили Тебя – какими чарами? споши каким вином??!*

Весь ужас голода представлен в главе «Хлеб с кровью». Еще в начале эпопеи повествователь, используя прием забегания вперед, упоминает об ожидаемой няню страшной участи:

Ну, вот... за коврик бархатный три фунтика всего дали ячменьку... а завтра-то чего будем?.. Уж скорей бы! Она машет рукой, забирает палки и уходит – качается, вот-вот споткнется. Не чует она, что скоро у нее случится, как будет варить кашу из пшеницы... с кровью! Или чует? Я теперь вспоминаю...

В конце эпопеи всё объясняется:

Всю неделю, как не своя ходила. Сказала Марина Семеновна, – не ей, – ей не сказала: – Ох, худо няньке будет, через Алексея... такое ху-до!.. Пришло худо: прислал Алеша пшеницы с кровью. *Есть-то надо, промоют и отмоют. Только всего не вымоешь...*

Кровь, не превратившаяся в вино, кровь, являющаяся душой животного – «только

плоти с душою ее, с кровью ее, не ешьте» (Быт 9:4) — не говоря о человеке, заставляет испытывать, по словам повествователя, *мгновения, когда холдеет сердце*. Глагольный ряд с повторяющейся частью *мыть, заканчивающий главу, промоют — отмоют — (всего не) вымоешь*, смена лица (от неопределенного-личного к обобщенно-личному) подчеркивают безысходность происходящего.

Выводы. Таким образом, лексические единицы «хлебного ряда», с одной стороны, показывают произошедшую в условиях голода смену ценностей, когда наивысшей точкой в шкале становится не жизнь человека, а хлеб. Хлеб — мера всех вещей: труда, товара, длительности жизни, взаимоотношений. С другой стороны, хлеб и еда в целом обнажают духовный мир человека, в котором животное занимает место *не куска мяса, а товарища в скорби*, отношение к другому человеку зависит от твоего внутреннего выбора — либо это поиски *кулебячки* или лишение других последних крох, либо это возможность поделиться последним.

Предметный мир и мир животных часто становятся аллегорическими, выполняют роль изображения отношений между людьми (ср. *грани и фасетки ожерелья — грани человеческой души; куры — крылатые (некрылатые) стервятники*).

Вино и кровь соотносятся с библейским таинством евхаристии, но попранные ценности — проливаемая повсеместно кровь — не дает причастия, а значит, и прощения. Пишет И. С. Шмелев свою «Тайную вечерю» о преломлении хлеба и вина, об изменении природы человека в голодные крымские годы, и, как говорит его главный герой: *Время придет — прочтется*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырева Е. М. Пищевой топос в автобиографическом романе И. С. Шмелева «Лето Господне» // Культура. Литература. Язык: материалы конференции «Чтения Ушинского». Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2016. С. 64–69.
2. Бугакова Н. Б. К вопросу об основных способах лексической объективации образа солнца в произведении И. С. Шмелева «Солнце мертвых» // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2016. № 1. С. 123–130.
3. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита: роман. М.: Художественная литература, 1988. 384 с.
4. Гилазетдинова Г. Х., Багманова Л. Н. Репрезентация лингвокультуре мы «пища» в романах И. С. Шмелева «Богомолье» и «Лето Господне» // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 154, № 5. С. 151–155.
5. Дзыга Я. О. Образ солнца в творчестве И. С. Шмелева и К. Д. Бальмонта // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 153, № 2. С. 86–96.
6. Догнал Й., Цинтула И. Мотивы апокалипсиса в романе И. С. Шмелева «Солнце мертвых» // Филологический класс. 2022. Т. 27, № 1. С. 123–132. <http://doi.org/10.51762/1FK-2022-27-01-14>.
7. Корнеев А. В. Архетип сада в романе-эпопее «Солнце мертвых» Ивана Шмелева // Gaudeteamus Igitor. 2018. № 3. С. 54–60.
8. Николаев Д. Д. Эпопея И. С. Шмелева «Солнце мертвых»: поэтика жанра // Венок Шмелеву. М.: Российский фонд культуры, 2001. С. 213–224.
9. Николина Н. А. Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2003. 256 с.
10. Поздеев В. А. Функция еды в романе «Лето Господне» (восприятие детским сознанием) // Russische Küche und kulturelle Identität / Hrsg. v. N. Franz. Universitätsverlag Potsdam, 2013. С. 189–202.
11. Поздняева Т. Воланд и Маргарита. М.: Амфора, 2007. 446 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://m-bulgakov.ru/publikacii/voland-i-margarita> (дата обращения: 15.08.2023).
12. Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1980. 792 с.
13. Федотов О. И. Черное солнце Ивана Шмелева // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2013. № 4. С. 93–109.
14. Чэнь С. Пространство смерти в структуре романа И. С. Шмелева «Солнце мертвых» // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2020. Т. 30, № 5. С. 887–891. <http://doi.org/10.35634/2412-9534-2020-30-5-887-891>.
15. Шелемова А. О. Мотив «кровавого пира» в «Слове о полку Игореве» и «Солнце мертвых» И. С. Шмелева // Первое сентября: литература. 2006. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200600115> (дата обращения: 15.08.2023).

16. Якушевич И. В. Пищевой код в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 3. С. 47–57. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-45-57>.

REFERENCES

1. Boldyreva E. M. Food topos in I. S. Shmelev's autobiographical novel "The Summer of the Lord". *Kul'tura. Literatura. Yazyk: materialy konferentsii "Chteniya Ushinskogo" = Culture. Literature. Language: proceedings of the conference "Ushinsky Readings"*. Yaroslavl: YSPU Press, 2016. P. 64–69. (In Russ.)
2. Bugakova N. B. To the question of the main ways of lexical objectification of the image of the sun in I. S. Shmelev's work "The Sun of the Dead". *Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki = Actual problems of Germanistics, Romanistics and Russian Studies*. 2016;(1):123–130. (In Russ.)
3. Bulgakov M. A. Master and Margarita. Moscow: Fiction, 1988. 384 p. (In Russ.)
4. Gilazetdinova G. H., Bagmanova L. N. Representation of the linguocultural theme "food" in the novels of I. S. Shmelev "Bogomolie" and "The Summer of the Lord". *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya gumanitarnye nauki = Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 2012;154(5):151–155. (In Russ.)
5. Dzyga Ya. O. The image of the sun in the works of I. S. Shmelev and K. D. Balmont. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya gumanitarnye nauki = Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 2011;153(2):86–96. (In Russ.)
6. Dohnal, J., Cintula, I. Motifs of apocalypse in I. S. Shmelev's novel "The Sun of the Dead". *Filologicheskii klass = Philological Class*. 2022;27(1):123–132. (In Russ.) <https://doi.org/10.51762/1FK-2022-27-01-14>.
7. Korneev A. V. Garden archetype in the novel-epic "The Sun of the Dead" by Ivan Shmelev. *Gaudeamus Igitur*. 2018;(3):54–60. (In Russ.)
8. Nikolaev D. D. I. S. Shmelev's epic "The Sun of the Dead": poetics of the genre. *Venok Shmelevu / red.-sost. L. A. Spiridonova, O. N. Shotova = A wreath to Shmelev / L. A. Spiridonova, O. N. Shotova (eds.)*. Moscow: Russian Cultural Foundation, 2001. P. 213–224. (In Russ.)
9. Nikolina N. A. Philological analysis of the text. Moscow: Academy, 2003. 256 p. (In Russ.)
10. Pozdeev V. A. The function of food in I. S. Shmelev's novel "The Summer of the Lord" (perception by children's consciousness). *Russische Küche und kulturelle Identität / Hrsg. v. N. Franz = Russian cuisine and cultural identity / N. Franz (ed.)*. Potsdam University Press, 2013. P. 189–202. (In Russ.)
11. Pozdnyayeva T. Woland and Margarita. Moscow: Amfora, 2007. 446 p. [Electronic resource]. URL: <https://m-bulgakov.ru/publikacii/voland-i-margarita> (accessed: 15.08.2023) (In Russ.)
12. Russian grammar: in 2 vols. Vol. 1: Phonetics. Phonology. Emphasis. Intonation. Word formation. Morphology / N. Yu. Shvedova (ed.). Moscow: Science, 1980. 792 p. (In Russ.)
13. Fedotov O. I. Black sun of Ivan Shmelev. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya = Lomonosov Philology Journal. Series 9: Philology*. 2013;(4):93–109. (In Russ.)
14. Chen X. Space of death in the structure of the novel "The Sun of the Dead" by I. S. Shmelev. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya = Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*. 2020;30(5):887–891. (In Russ.) <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2020-30-5-887-891>.
15. Sheleanova A. O. The motif of the "blood feast" in "The Tale of Igor's Campaign" and "The Sun of the Dead" by I. S. Shmelev. *Pervoe sentyabrya: literatura = The First of September: Literature*. 2006;(1) [Electronic resource]. URL: <https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200600115> (accessed: 15.08.2023) (In Russ.)
16. Yakushevich I. V. The food code in "The Master and Margarita" by M. A. Bulgakov. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2023;84(3):45–57. (In Russ.) <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-45-57>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ольга Альбертовна Димитриева, кандидат филологических наук, доцент

Olga A. Dimitrieva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 31.08.2023; одобрена после рецензирования 05.10.2023; принята к публикации 25.11.2023.

The article was submitted 31. 08.2023; approved after reviewing 05.10.2023; accepted for publication 25.11.2023.